

ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ КАК «ЯЗЫК ПОДЛИННОГО БЫТИЯ» PHILOSOPHY OF LANGUAGE AS A «LANGUAGE OF TRUE BEING»

Аннотация: В статье рассмотрена проблематика языка, его подлинности, связь языка с бытием и пониманием, основные экзистенциальные возможности языка. Особое внимание уделено месту и проблеме языка в современном мире. Т. к. язык учит человека мыслить, наделяя человека словом, и является средством коммуникации между людьми, он, существуя с человеком, развивается вместе с ним. Именно эти характеристики языка, по мысли автора, являются выражением «подлинности бытия».

Ключевые слова: язык; подлинность; бытие; понимание; диалог; философский язык; осмысление; герменевтика.

Abstract: In article the perspective of language, its authenticity, connection of language with life and understanding, the main existential opportunities of language are considered. Special attention is paid to the place and a problem of language in the modern world. Since language shows to person how to think, we can see language as the communication medium between people. Language develops together with a person. These characteristics of language, according to the author opinion, are expressed in «the true of being».

Keywords: language; true; being; understanding; dialogue; philosophical language; judgment; hermeneutics.

С появлением человека язык реализуется как речь и как носитель знаний. А человек, как известно, является говорящим существом, что и отличает его от животного. При этом условиями возникновения у человека языка как речи является способность слушать и понимать, ибо «... говорение есть само по себе уже слушание» [7, с. 266]. Поэтому слушание – это фактически и есть процесс понимания бытия.

Таким образом, язык выступает в целой совокупности качеств: выражения (наличие «выраженного внутреннего»), человеческой деятельности (человек использует речь в качестве инструмента говорения), образно-понятийного отражения действительного и недействительного.

В профессиональном диалоге, в отличие от повседневного, присутствует еще и опыт неизвестности слов. Например, философский разговор с определенными терминами и знаками – это отказ от привычных слов обычной речи. А для языка точных наук также характерны своя терминология и свой язык в виде формул, теорем, доказательств.

Согласно М. Хайдеггеру непривычный язык точных наук или язык естественных наук может быть сложным, но полностью искажившим подлинный язык и истину. Философский язык, полагает мыслитель, это не профессиональный язык философа, а язык подлинного бытия, для чего и нужна отстраненность. Достижение отрешенности выступает лучшим поводом для разговора, но как только мы представляем что-либо из сказанного, оно теряет представление в рамках представимого и становится близостью дальнего.

Язык, по Хайдеггеру, это «дом бытия» и «жилище самого человека», это место, где обитает истина бытия. Но, в отличие от обычного дома, язык не воспринимается в самой его сути. Причем язык как жилище можно воспринимать как пребывание в человеческой культуре.

В представлении Хайдеггера подлинный язык выступает, с одной стороны, языком молчания, не репрезентируясь в текстах современной культуры, но, с другой стороны, бытийный язык – это все же язык, который «просвечивает» сквозь любой текст метафизики.

В силу того, что язык – это не только совокупность лексики и грамматики, это живая речь, наполненная богатством интонаций и молчанием. Очень часто молчание дает понять гораздо больше, чем непрерывное говорение. Разговор / сведение слов в смысловую систему – это лишь одна сторона открытого горизонта, но не весь горизонт полностью. Границы языка выступают просветом бытия и являются самим человеком, и с помощью языка раскрывается этот просвет. Но есть еще и то, что находится за пределами этого просвета, как быть с этим?! Не упускается ли этот простор при отдаче только системе слов, не забывается ли о паузах между словами, которые лежат за пределами просвета? – задает вопрос Хайдеггер. Ведь с помощью слов открываются непроявленные до этого вещи. Но если мы задумаемся над тем, что находится за пределами уже проявленных слов / предметов, то поймем, сколько пауз мы упускаем в предложениях, которые, возможно, приоткрывали бы горизонт в большей степени. «Лежат во рту великие слова» [1, с. 37], – произнес другой философ, правда, из мира поэзии. Именно лежат, то есть покоятся, не проявляют себя в словесной системе, от этого и достигают максимальной степени великости. «Говорить на языке», по Хайдеггеру, означает «... перенестись в область сущности языка», ибо язык сущности – это подлинный язык, который значительнее, чем доступный нам человеческий язык. «Человек – есть человек, поскольку он отдан в распоряжение языка и пользуется им (языком), для того чтобы говорить на нем» [3, с. 22]. А это означает, что скорее не мы используем язык для разговора, а язык использует нас.

Фундаментом связи с языком является понимание, ибо понимание разворачивается в форме истолкования. В истолковании человек движется к постижению того, что непосредственно не дано, что скрыто, то есть то, что остается сущностью. И раскрыть ее (как сокровище) можно только герменевтически, через анализ языка.

В силу того, что язык столь же изначален, как и понимание, этимологический анализ слов выявляет их априорный смысл, позволяя тем самым «заглянуть»

в бытие. Соединенность мысли и бытия, когда слова и вещи взаимно принадлежат друг другу, создавая особый мир – мир человеческого бытия, в котором все воспринимается через слово. При этом утверждение Хайдеггера о том, что только слово позволяет вещи быть вещью, не означает, что слово создает существующую вещь вне нас, а, напротив, оно подчеркивает, что человек существует в мире, где вещи, явления неразрывно связаны с понятиями и, соответственно, с терминами, словами. У вещи / предмета множественность смыслов, наше сознание должно быть обращено к описанию смыслов, а не описанию вещей / предметов, так как мы видим не вещи / предметы, а сами смыслы. Хайдеггер мыслит человеческое бытие как «вложенное в язык». Мысль, подчиняясь разуму, подбирает ему слово, в котором отображается истина бытия, ибо «мыслящий дает слово бытию» [5, с. 40–41].

Основания языка состоят из двух аспектов: из говорения и слушания самого языка, которым мы говорим. Умение слушать является условием для разговора, т. к. для понимания языка нужно услышать, что и как нам говорит язык, чтобы начать говорить на нем. Язык не может реализовать себя иначе, чем через говорящего языком человека.

Слушание указывает на связь речи и понимания. И так как человек есть существо слушающее, он изначально настроен на понимание. Слушание как экзистенциальная возможность речи означает «слушать что-то или кого-то» и выражает «... экзистенциальную открытость Dasein как бытия-с другим» [6, с. 328]. Оно также конституирует «способность быть» за счет того, что в процессе слушания человеку открываются не только другие, но и он сам. И так как в любом акте слушания слушают, прежде всего, «о чем», а не «как», то понимание того, «о чем» идет речь, является условием возможности любого диалога.

И здесь важна роль молчания, т. к. оно является потенциальной возможностью речи, свидетельствующей о ее сущностной связи с пониманием. И, кроме того, молчание свидетельствует о понимании только тогда, когда тот, от кого ожидается многословие, в соответствующий момент молчит. Поэтому можно сказать, что «... только в подлинной беседе возможно настоящее молчание» [4, с. 28].

Язык, в рамках которого мы познаем реальность, не только единичность, но и многозначность, т. к. язык существует не только, например, как русский язык, но и как множественность языков (язык хиппи, язык индейского племени и т. д.) Более того, невозможно однозначно утверждать, что язык либо множественен, либо единичен, т. к., строго говоря, язык представляет собой относительное единство, где определенному типу бытия соответствует и определенный язык. При этом каждый язык является необходимым и запретить какой-либо язык – значит запретить какую-либо реальность.

Современный язык обладает еще и динамичностью, схватыванием и удержанием определенных образов. Согласно представлениям структуралистов, человек мыслит не при помощи мысли, а при помощи языка, поэтому развитие техники в значительной мере способствовало формализации языка и превращению человека в «технически исчисляющее существо». Логически-упорядочивающая

функция языка начинает превалировать над его поэтической функцией, качественно изменяя его характер: из «дома бытия» язык превращается в средство создания «картины мира». Язык отчуждает человека от мира и от самого себя, а забвение сущности языка грозит человеку забвением собственной сущности. «Окружающий человека мир превратился в одни названия, бытие как бы исчезло. А вместе с бытием исчез и его смысл» [6, с. 331].

Однако не мир нужно рационализировать, чтобы воссоединить его с человеком, полагают философы, а человека нужно иррационализировать, чтобы воссоединить его с миром. И как только удастся рассмотреть человека по-новому, раскрыть его сущность как экзистенцию, будет видно, что никакого разрыва между человеком и миром нет. Границы моего «я» и есть реальность существования, а истина – само-бытийствование, просвет бытия – это и есть человек. Человек заставляет выйти вещи из темноты в просвет, он проявляет эти вещи с помощью языка, язык освещает, словно фонарем, те предметы, которые не видны человеку.

Итак, язык является неотъемлемой частью человека, он выступает «домом бытия», в котором и с помощью которого человек живет, с помощью которого взаимодействует с себе подобными. Безусловно, все живые организмы имеют способы коммуникации (кто-то коммуницирует с помощью химии, кто-то с помощью электричества, кто-то тактильно), нет организмов, которые бы не вступали в коммуникации с себе подобными. И человек не исключение, он коммуницирует с помощью языка, но язык человека не является только средством коммуникации, это еще и способ мышления. Язык – один из самых сложных феноменов, т. к. в функции языка принимают участие память, интеллект, эмоции, речевой аппарат. Более того, у человечества множество языков: точные науки, жесты, танец, пластика, музыка, живопись, поэзия. Кроме того, существует 6 – 7 тысяч языков на планете и у всех человеческих языков есть общие свойства: гласные и согласные, отношение с пространством и временем, интонации. И через язык же нам дан опыт конечности, а значит, опыт смерти. Но язык – это и средство борьбы со смертью, он обеспечивает бессмертие индивида, ведь мы сейчас ведем диалог с Аристотелем, Платоном, Хайдеггером. Ибо «... от всего человека вам остается часть речи» [7, с. 266].

Мысли человека бессмертны, пока бессмертна речь, которой он пользовался. Смертный человек становится бессмертным через слово. Язык обеспечивает подлинность бытия, ибо он всегда находится рядом (подле) с человеком. И поскольку образом изначального мышления является творчество, то язык создает тот исторический горизонт, через который человек всегда имеет возможность увидеть смысл другой эпохи, постичь смысл настоящего и понять себя, а это, наверное, и означает прикоснуться к подлинности.

Библиографический список

1. Бродский, И. А. Разговор с небожителем / И. А. Бродский. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2003.
2. Бродский, И. А. Стихотворения, поэмы / И. А. Бродский. – М. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2008.

3. Михайлов, А. В. Мартин Хайдеггер: Человек в мире / А. В. Михайлов. – М. : Московский рабочий, 1990.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М. : Гнозис, 1993.
5. Хайдеггер, М. Введение к: «Что такое метафизика?» / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М. : Республика, 1993.
6. Хайдеггер, М. Письма о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии : сб. переводов. – М. : Прогресс, 1988.
7. Хайдеггер, М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М. : Республика, 1993.